

Бойцовский клуб

Автор:

Чак Паланик

Бойцовский клуб

Чак Паланик

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Это – самая потрясающая и самая скандальная книга 1990-х.

Книга, в которой устами Чака Паланика заговорило не просто «Поколение Икс», но – «Поколение Икс» уже озлобленное, уже растерявшее свои последние иллюзии.

Вы смотрели фильм «Бойцовский клуб»?

Тогда – читайте книгу, по которой он был снят!

Чак Паланик

Бойцовский клуб

Роман

Chuck Palahniuk

Fight club

© Chuck Palahniuk, 1999

© Перевод. К. Егорова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

1

Тайлер находит для меня работу официанта, после чего сует мне в рот пушку и говорит: первый шаг к вечной жизни – смерть. А ведь мы с Тайлером были закадычными друзьями. Люди вечно спрашивают, знал ли я Тайлера Дердана.

Прижимая дуло пистолета к моему нёбу, Тайлер говорит:

– На самом деле мы не умираем.

Языком я чувствую дырки-глушители, которые мы просверлили в стволе. Основной шум при выстреле производят расширяющиеся газы; кроме того, есть еще звуковой удар от быстро летящей пули. Чтобы сделать глушитель, нужно просто просверлить в стволе пушки дырки. Много дырок. Тогда газы выйдут, а скорость пули будет меньше скорости звука.

Если просверлишь дырки неправильно, пушка взорвется в руке.

– На самом деле это не смерть, – добавляет Тайлер. – Мы станем легендой. Никогда не состаримся.

Я прижимаю языком ствол к щеке и отвечаю:

– Тайлер, это про вампиров.

Через десять минут здание, на котором мы стоим, исчезнет. Возьми курящуюся девятидесятосемипроцентную азотную кислоту и смешай с серной в пропорции

один к трем. Все это на ледяной бане. Затем глазной пипеткой по каплям добавь глицерин. Получишь нитроглицерин. Я знаю это, потому что знает Тайлер. Смешай нитроглицерин с опилками – и вот она, добрая пластичная взрывчатка. Многие ребята смешивают нитроглицерин с хлопком и добавляют в качестве сульфата английскую соль. Это тоже работает. Другие парни используют парафин в смеси с нитроглицерином. У меня с парафином никогда ничего не получалось.

В общем, мы с Тайлером стоим на крыше Паркер-Моррис-билдинг, я – с пистолетом во рту, и слышим, как разбивается стекло. Загляни за край. Сегодня облачно, даже наверху. Это самый высокий небоскреб в мире, и на такой высоте ветер всегда холодный. Здесь так тихо, что чувствуешь себя мартышкой-астронавтом. Выполняешь простые задания, каким тебя обучили.

Дернуть за рычаг.

Нажать кнопку.

Ты не понимаешь, что делаешь, а потом просто умираешь.

Смотришь за край с высоты ста девяноста первого этажа и видишь, что улица внизу превратилась в пятнистый ковер людей, которые стоят и таращатся вверх. Бьющееся стекло – это окно прямо под нами. Окно на боковой стороне здания разбивается, и вылетает картотека, огромная, будто черный холодильник. Прямо под нами картотека с шестью ящиками срывается с отвесного обрыва стены и падает, медленно переворачиваясь, становясь все меньше, исчезая в плотной толпе.

Где-то под нами мартышки-астронавты из Комитета шалостей проекта «Хаос» носятся сломя голову по ста девяноста одному этажу, уничтожая обрывки истории. Похоже, старая поговорка насчет того, что любимых всегда ранишь сильнее, работает в обе стороны.

С дулом пистолета во рту и стволом между зубами произносить можно только гласные.

Нам осталось десять минут.

Из здания вылетает еще одно окно, осколки стекла напоминают вспугнутую голубиную стаю. За ними дюйм за дюймом вылезает темный деревянный стол, подталкиваемый Комитетом шалостей. Наконец стол накреняется, скользит и превращается в кувыркающийся летучий магический предмет, который исчезает в толпе.

Через девять минут от Паркер-Моррис-билдинг ничего не останется. Если взять нужное количество гремучего студня и обернуть фундаментные столбы, то можно обрушить любое здание. Но не забудьте хорошенько обложить все это дело мешками с песком, чтобы взрыв пришелся на столб, а не на парковку вокруг него.

Подобных советов нет ни в одном учебнике истории.

Три способа приготовить напалм. Первый: смешать в равных пропорциях бензин и замороженный концентрат апельсинового сока. Второй: смешать в равных пропорциях бензин и диетическую колу. Третий: сыпать раскрошенный наполнитель для кошачьего лотка в бензин, пока не загустеет.

Спросите меня, как сделать нервно-паралитический газ. Ах, эти безумные автомобили, начиненные взрывчаткой!

Девять минут.

Паркер-Моррис-билдинг сложится всем ста девяноста одним этажом, медленно, как падающее в лесу дерево. Обрушить можно что угодно. Странно представить, что место, на котором мы стоим, превратится в точку в небесах.

Мы с Тайлером находимся на краю крыши, у меня во рту пистолет, и я гадаю, насколько он чистый. Мы напрочь забываем про убийственно-суицидальные заморочки Тайлера, глядя, как из здания выскальзывает очередная картотека, ее ящики выдвигаются, и ветер подхватывает и уносит листы белой бумаги.

Восемь минут.

Из открытых окон начинает сочиться дым. Подрывная команда подорвет запальный заряд примерно через восемь минут. Запальный заряд подорвет

основной, фундаментные столбы рухнут, и серия снимков с Паркер-Моррис-билдинг войдет во все учебники истории.

Пять кадров, цейтраферная съемка. Вот здание стоит. На второй картинке – кренится на восемьдесят градусов. Потом на семьдесят. На четвертой – на сорок пять, и несущая конструкция начинает трещать, а башня – выгибаться. Последний кадр: башня всем своим ста девяноста одним этажом падает на Национальный музей, а он и есть истинная цель Тайлера.

– Теперь это наш мир, наш, – говорит он. – А эти древние люди мертвы.

Если бы я знал, чем все обернется, предпочел бы сейчас быть мертвым и на Небесах.

Семь минут.

На крыше Паркер-Моррис-билдинг, с дулом пистолета во рту. Метеоритный дождь столов, картотек и компьютеров падает на толпу вокруг здания, дым клубится из выбитых окон, в трех кварталах дальше по улице подрывная команда смотрит на часы, а я знаю: все это – пушка, анархия, взрыв – из-за Марлы Сингер.

Шесть минут.

У нас тут нечто вроде любовного треугольника. Я хочу Тайлера. Он хочет Марлу. Марла хочет меня. Я не хочу Марлу, а Тайлер не хочет меня. Больше не хочет. Дело не в любви и заботе, а в собственности и обладании.

Без Марлы у Тайлера ничего не останется.

Пять минут.

Вероятно, мы станем легендой, а может, и нет. Я бы сказал, нет, но поглядим.

Где был бы Иисус, если бы никто не написал Евангелия?

Четыре минуты.

Языком отталкиваю дуло к щеке и говорю: хочешь стать легендой, Тайлер? Друг, я об этом позабочусь. Я был здесь с самого начала.

Я помню все.

Три минуты.

2

Мощные руки Боба сомкнулись вокруг меня, и в темноте я оказался зажат между его новыми потными сиськами, необъятными, как Господь Бог. Каждый вечер мы встречались в церковном подвале, полном мужчин: это Арт, это Пол, это Боб. Широкие плечи Боба наводили меня на мысли о горизонте. Густые светлые волосы Боба были результатом того, что получается, когда гель для волос именуется себя моделирующим муссом. Такие густые и светлые, с таким ровным пробором.

Обхватив меня руками, Боб гладит меня по голове, прижимая к сучьему вымени, проросшему на его груди-бочке.

– Все будет хорошо, – говорит он. – Поплачь.

Всем телом я ощущаю, как химические реакции внутри Боба сжигают пищу и кислород.

– Может, они успели вовремя, – продолжает Боб. – Может, это просто семинома. При семиноме выживаемость – почти сто процентов.

Плечи Боба распрямляются в длинном вдохе, а затем никнут, никнут, никнут в судорожных рыданиях. Распрямляются. Никнут, никнут, никнут.

– Поплачь, – говорит Боб, и вдыхает, и всхлипывает, всхлипывает, всхлипывает. – Давай, поплачь.

Большое влажное лицо опускается на мою макушку, скрывая меня внутри. Сейчас я заплачу. Слезы всегда близко, когда ты в душной темноте, внутри кого-то другого, когда понимаешь, что все, чего ты мог достичь, пойдет прахом.

Все, чем гордился, отправится на помойку.

И я скрыт внутри.

Почти неделю я не был так близок ко сну.

Вот так я встретил Марлу Сингер.

Боб плачет, потому что шесть месяцев назад ему удалили яички. Потом – гормональная поддерживающая терапия. У Боба выросла грудь, поскольку у него слишком высокий тестостерон. Подними уровень тестостерона выше нормы – и в поисках равновесия тело начнет усиленно вырабатывать эстроген.

Сейчас я заплачу, ведь вся жизнь сводится к пустому месту, даже не к пустому месту – к забвению.

Слишком много эстрогена – и у тебя вырастет сучье вымя.

Легко заплакать, когда понимаешь, что все, кого ты любишь, отвернутся от тебя или умрут. В долгосрочной перспективе любая выживаемость стремится к нулю.

Боб любит меня, потому что думает, что мне тоже удалили яички.

Вокруг нас в подвале епископальной церкви Святой Троицы, заставленном дешевыми клетчатыми диванами, собралось около двух десятков мужчин и всего одна женщина. Все держатся по двое, большинство плачут. Некоторые пары наклонились вперед, прижавшись друг к другу ушами, словно борцы. Мужчина с единственной женщиной положил локти ей на плечи – по локтю с каждой стороны головы – и плачет, уткнувшись лицом ей в шею. Женщина поворачивает голову, поднимает сигарету.

Я выглядываю из подмышки Большого Боба.

– Вся моя жизнь, – всхлипывает он. – Сам не знаю, зачем я это делаю.

Единственная женщина в «Останемся мужчинами вместе» – группе поддержки больных раком яичек, – эта придавленная незнакомцем женщина курит сигарету и встречается со мной взглядом.

Притворщик.

Притворщик.

Притворщик.

Огромные глаза, как в японских мультиках, тусклые короткие черные волосы, постная, как снятое молоко, желтушная, как пахта, в платье с обойным узором из темных роз. Эта женщина была в моей группе поддержки больных туберкулезом вечером по пятницам. И за круглым столом меланомы вечером по средам. Вечером по понедельникам она была в моем лейкемическом дискуссионном кружке «Крепкая вера». Пробор на ее голове напоминает кривую молнию белого скальпа.

У всех этих групп поддержки – смутно-оптимистичные названия. Моя группа паразитов крови, вечером по четвергам, называется «Свободный и чистый».

Моя группа мозговых паразитов называется «Выше и дальше».

И воскресным вечером, на встрече «Останемся мужчинами вместе» в подвале епископальной церкви Святой Троицы, – эта женщина снова здесь.

Хуже того: я не могу плакать, когда она смотрит на меня.

Это должна быть самая лучшая часть – Большой Боб обнимает меня, и мы вместе безнадежно рыдаем. Мы все так усердно работаем. Это единственное место, где я могу расслабиться и сдаться.

Это мои каникулы.

В первую группу поддержки я пришел два года назад, после того как снова посетил врача по поводу бессонницы.

Я не спал три недели. Три недели без сна – и вся твоя жизнь превращается во внетелесный опыт. Доктор объяснил: «Бессонница – лишь симптом чего-то более серьезного. Выясни, в чем настоящая проблема. Слушай свое тело».

Я просто хотел спать. Хотел маленькие голубые капсулы амобарбитала, по двести миллиграммов. Хотел красно-синие капсулы туинала, ярко-алый секонал.

Доктор велел мне жевать корень валерианы и больше двигаться. Сказал, что в конце концов я засну.

Мое синюшное, сморщенное лицо напоминало лицо трупа.

Доктор сказал: если я желаю увидеть настоящие страдания, мне следует заглянуть в Первое причастие вечером во вторник. Посмотреть на мозговых паразитов. На дегенеративные костные болезни. На органический мозговой синдром. На то, как поживают раковые больные.

И я пошел.

В первой группе люди познакомились друг с другом: это Элис, это Бренда, это Довер. Все улыбались с приставленным к голове невидимым пистолетом.

Я никогда не называю своего настоящего имени в группах поддержки.

Маленькая женщина-скелет по имени Хлоя, в печально обвисших штанах, говорит мне: самое ужасное в мозговых паразитах – то, что никто не хочет заниматься с ней сексом. Она одной ногой в могиле – даже ее страховая разродилась семьюдесятью пятью тысячами баксов, – и чего желает Хлоя? В последний раз потрахаться. Ей нужна не близость, а секс.

Что может на это сказать мужик? Что бы вы сказали?

Началось с того, что Хлоя почувствовала себя немного усталой – а теперь ей настолько все опостылело, что она не хочет лечиться. Порнофильмы – у нее дома

куча порнофильмов.

Во время Великой французской революции, сообщила мне Хлоя, женщины-заключенные – герцогини, баронессы, маркизы и прочие – трахались с любым, кто на них залезет. Хлоя дышала мне в шею. Пора платить по счетам. Трах убивает время.

Маленькая смерть, так это называют французы.

Если мне интересно, у Хлои были порнофильмы. Амилнитрит. Смазка.

При обычных обстоятельствах у меня возникла бы эрекция. Однако наша Хлоя – скелет, покрытый желтым воском. С учетом того, как она выглядит, я – ничто. Даже меньше, чем ничто. Но плечо Хлои тычется в мое плечо, когда мы сидим кружком на ворсистом ковре. Мы закрываем глаза. Очередь Хлои вести медитацию, и она рассказывает про сад спокойствия. Мы поднимаемся на холм к дворцу, в котором семь дверей. Внутри дворца – семь дверей: зеленая дверь, желтая дверь, оранжевая дверь; вместе с Хлоей мы открываем каждую – синяя дверь, красная дверь, белая дверь – и смотрим, что за ними скрывается.

Закрыв глаза, мы представляем свою боль шаром белого целительного света, парящим у наших ног, поднимающимся к нашим коленям, поясу, груди. Наши чакры раскрываются. Сердечная чакра. Головная чакра. Хлоя ведет нас в пещеры, где мы встречаем своих тотемных животных. Мой тотем – пингвин.

Пол пещеры был покрыт льдом, и пингвин сказал: скользите. Без каких-либо усилий мы заскользили по туннелям и галереям.

Потом настало время обниматься. Открыть глаза.

Это терапевтический физический контакт, объяснила Хлоя. Каждый должен выбрать себе партнера. Хлоя кинулась мне на шею и зарыдала. У нее дома было эротическое нижнее белье. Она плакала. У Хлои были масла` и наручники, и она плакала, а я смотрел, как секундная стрелка моих часов совершает одиннадцать оборотов.

В общем, я не плакал в своей первой группе поддержки два года назад. Не плакал во второй или в третьей. Не плакал на паразитах крови, или раке кишечника, или органическом мозговом синдроме.

Бессонница – она такая. Все кажется очень далеким, копией копии копии. На расстоянии бессонницы от мира ты ни до чего не можешь дотронуться, и ничто не может тронуть тебя.

Потом появился Боб. Когда я впервые пришел на рак яичек, в «Останемся мужчинами вместе», Лосина Боб, Боб Сырная Лепешка обрушился на меня и зарыдал. Когда настала пора обнимашек, Лосина двинулся через всю комнату, свесив руки и ссутулив плечи. Прижав огромный лосиный подбородок к груди, моргая красными глазенками, шаркая ножищами, цепляя коленями друг за друга, он преодолел подвал и обрушился на меня.

Огромные ручищи Боба обхватили меня.

Он был качком, сказал Большой Боб. Ах, эта молодость, сперва метандиенон, сначала станозолол, лошадиный стероид. Собственный спортзал, у Большого Боба имелся спортзал. Трижды был женат. Занимался раскруткой продукции. Неужели я не видел его по телевизору? Вся программа по расширению груди – практически его изобретение.

От подобных откровений у меня всегда падает. Понимаете, о чем я?

Боб не понимал. Может, у него опустилось только одно huevos и он знал, что рискует. Боб поведал мне о послеоперационной гормональной терапии.

Многие бодибилдеры колют слишком много тестостерона – и у них вырастает сучье вымя.

Пришлось спросить, что Боб имел в виду под huevos.

Huevos, сказал он. Гонады. Шары. Бубенцы. Яички. В Мексике, где покупают стероиды, их называют яйцами.

Развод, развод, развод, сказал мне Боб и вытащил из бумажника фото самого себя – огромного и на первый взгляд голого, в набедренной повязке, на каком-то конкурсе. Глупо так жить, заявил он, когда стоишь, накачанный и бритый, на сцене, и жира в тебе не более двух процентов, а из-за диуретиков ты на ощупь холодный и твердый, как бетон. Ты ослеп от огней и оглох от шумов в звуковой системе. Но тут судья говорит: «Выставь правую ногу, напряги четырехглавую мышцу и замри». «Вытяни левую руку, напряги бицепс и замри». Это лучше, чем реальная жизнь.

Короткая дорожка к раку, вздохнул Боб. Потом он обанкротился. Двое его взрослых детей не отвечали на звонки.

Лечение вымени заключалось в том, что врач подрезал грудные мышцы и выкачивал жидкость.

Больше я ничего не запомнил, потому что Боб начал сжимать меня своими ручищами, а сверху опустилась его голова. Я очутился в небытии, темном, безмолвном и абсолютном, а когда наконец оторвался от мягкой груди Боба, на его рубашке отпечаталось мое мокрое лицо.

Это было два года назад, в мой первый вечер с «Останемся мужчинами вместе». И с тех пор почти каждый раз Большой Боб доводил меня до слез.

Я не вернулся к врачу. И не стал жевать корень валерианы.

Это была свобода. Полная утрата надежды являлась свободой. Если я молчал, то люди в группе предполагали самое худшее. И плакали сильнее. Я тоже плакал сильнее. Взгляни на звезды – и ты пропал.

Возвращаясь домой из группы поддержки, я ощущал себя более живым, чем прежде. Я не был добычей рака или кровяных паразитов; я был маленьким теплым центром сосредоточения всей жизни мира.

И я спал. Младенцы не спят так крепко.

Каждый вечер я умирал – и каждый вечер рождался вновь.

Воскрешенный.

Два успешных года – до нынешнего вечера. До нынешнего вечера, потому что я не могу плакать, когда эта женщина смотрит на меня. Не могу достичь дна, не могу спастись. Мой язык уже считает, будто обзавелся тисненными обоями, так сильно я искусал рот изнутри. Я не спал четыре дня.

Когда она смотрит, я – лжец. Она – фальшивка. Она – лгунья. Сегодня во время знакомства мы называли свои имена: я Боб, я Пол, я Терри, я Дэвид.

Я никогда не называю своего настоящего имени.

– Это рак, верно? – спросила она. И добавила: – Привет, я Марла Сингер.

Никто не сообщил Марле, какой именно рак. Мы все нянчились со своим внутренним ребенком.

Мужчина по-прежнему плачет ей в шею, а Марла делает очередную затяжку.

Я слежу за ней из-под сотрясающихся сисек Боба.

Для Марлы я – фальшивка. Увидев ее во второй раз, я потерял сон. Но первая фальшивка – я сам, если только все эти люди не выдумали свои болячки, сопли и опухоли, даже Большой Боб. Лосина. Сырная Лепешка.

Взгляните на его «смоделированные» волосы.

Марла курит и закатывает глаза.

В это мгновение ложь Марлы отражает мою собственную, и вокруг я вижу одну ложь. Посреди их правды. Все цепляются друг за друга и рискуют поделиться худшими страхами: что смерть у порога, что у них во рту – пистолетное дуло. Марла курит и закатывает глаза, а я погребен под всхлипывающим ковром, и внезапно даже смерть и умирание становятся скучной дешевкой, искусственными цветами на видео.

– Боб, ты меня раздавишь, – говорю я. Сперва пытаюсь шептать, потом уже не пытаюсь. – Боб. – Стараюсь говорить тише, затем кричу: – Боб, мне нужно в сортир!

Над раковиной в туалете висит зеркало. Если так пойдет, я встречу Марлу Сингер в «Выше и дальше», группе мозговых паразитов. Разумеется, Марла будет там, и я сяду рядом с ней. После знакомства и направленной медитации – семи дворцовых дверей, белого шара целительного света, – после того, как мы откроем чакры, когда придет пора обниматься, я схвачу сучку.

Прижав ее руки к телу, а свои губы – к ее уху, я скажу: Марла, ты – притворщица, убирайся.

Это единственная стоящая вещь в моей жизни, и ты ее рушишь.

Ты лгунья.

При следующей встрече я скажу: Марла, я не могу спать, когда ты здесь. Мне это нужно. Убирайся.

3

Просыпаешься в международном аэропорту.

При каждом взлете и посадке, когда самолет сильно кренится набок, я молился о катастрофе. Это мгновение, когда мы, беспомощный человеческий табак, набитый в фюзеляж, могли погибнуть, исцеляло мою бессонницу нарколепсией.

Так я встретил Тайлера Дердана.

Просыпаешься в О'Харе[1 - Аэропорт в Чикаго.].

Просыпаешься в Ла-Гардиа[2 - Аэропорт в Нью-Йорке.].

Просыпаешься в Логане[3 - Аэропорт в Бостоне.].

Тайлер подрабатывал киномехаником. Из-за своей натуры он мог работать только по ночам. Если киномеханик сказывался больным, профсоюз звонил Тайлеру.

Есть ночные люди. Есть люди дневные. Я могу работать только днем.

Просыпаешься в Даллесе[4 - Вашингтонский аэропорт им. Джона Даллеса.].

Страхование жизни выплачивается в тройном размере, если умираешь в командировке. Я молился о сдвиге ветра, о засасываемых в двигатели пеликанах, и ослабленных болтах, и обледенелых крыльях. При взлете, когда самолет разгонялся по полосе, с поднятыми закрылками, спинками кресел, приведенными в вертикальное положение, закрытыми откидными столиками и ручной кладью, спрятанной в багажные отделения наверху, когда конец полосы неся нам навстречу, а мы даже не могли закурить, я молился о катастрофе.

Просыпаешься в Лав-Филд[5 - Аэропорт в штате Техас.].

В киноаппаратной старых кинотеатров Тайлер переключал бобины. Когда нужно переключать бобины, в аппаратной стоит два проектора, и один из них работает.

Я знаю об этом, потому что знает Тайлер.

Второй проектор заряжен следующей бобиной фильма. Большинство фильмов занимают шесть или семь маленьких бобин пленки, которые располагают в определенном порядке. В новых кинотеатрах из маленьких бобин делают одну пятифутовую. В таком случае не нужно иметь два проектора и переключать бобины туда-сюда: бобина один - переключение - бобина два на другом проекторе - переключение - бобина три на первом проекторе.

Переключение.

Просыпаешься в СиТаке[6 - Сокращенное название аэропорта Сиэтл/Такома в штате Вашингтон.].

Изучаю людей на ламинированной карточке в кармане сиденья. Женщина плавает в океане, каштановые волосы разметались по воде, подушка сиденья прижата к груди. Глаза широко раскрыты, но женщина не улыбается и не хмурится. На другой картинке люди, спокойные, как индийские коровы, тянутся со своих сидений к выпавшим из потолка кислородным маскам.

Очевидно, это чрезвычайная ситуация.

Разгерметизация кабины.

Просыпаешься – и ты в Уиллоу-Ран[7 - Аэропорт в штате Мичиган.].

Старый кинотеатр, новый кинотеатр. Чтобы переправить фильм в следующий кинотеатр, Тайлеру приходится вновь разбивать его на исходные шесть или семь бобин. Маленькие бобины кладутся в два восьмиугольных стальных чемоданчика. У каждого есть ручка. Подними такой чемоданчик – и вывих плеча обеспечен. Настолько они тяжелые.

Тайлер – банкетный официант, обслуживает столики в отеле в центре города, и Тайлер – киномеханик, состоит в профсоюзе киномехаников. Не знаю, сколько моих бессонных ночей проработал Тайлер.

В старых кинотеатрах с двумя проекторами киномеханику приходится стоять в будке и в нужный момент менять проекторы так, чтобы зрители не заметили, когда закончилась одна бобина и началась другая. Необходимо следить за белыми точками в правом верхнем углу экрана. Это предупреждение. Смотри фильм – и увидишь две точки в конце бобины.

Сигаретные ожоги, так их называют киношники.

Первая белая точка – двухминутное предупреждение. Надо запустить второй проектор, чтобы он разогрелся.

Вторая белая точка – пятисекундное предупреждение. Возбуждение. Ты стоишь между двумя проекторами, в будке – настоящая парилка от ксеноновых ламп, на которые нельзя смотреть, иначе ослепнешь. На экране мелькает первая точка.

Звук к фильму поступает из большой колонки за экраном. Будка киномеханика звуконепроницаема, потому что внутри стрекочут пулеметами зубчатые барабаны, протягивающие пленку перед объективом со скоростью шесть футов в секунду, десять кадров на фут, шестьдесят кадров в секунду. Ты стоишь между двумя работающими проекторами и держишь рукоятку затвора на каждом. Совсем старые проекторы оснащены сигнализацией на ступице подающей бобины.

Даже после того как фильмы перебрались на телевидение, предупреждающие точки никуда не делись. Их можно увидеть даже в самолетах.

По мере того как все больше пленки наматывается на приемную бобину, она замедляется, и подающей бобине приходится крутиться быстрее. В конце подающая бобина вращается так быстро, что сигнализация начинает трезвонить, предупреждая: пора менять бобину.

В темноте, раскаленной лампами внутри проекторов, звенит сигнализация. Встань между проекторами, возмись каждой рукой за рукоятку затвора и следи за углом экрана. Вот мелькнула вторая точка. Сосчитай до пяти. Закрой один затвор. И в то же мгновение открой другой.

Переключение.

Фильм продолжается.

Никто из зрителей ничего не заметил.

Сигнализация на подающей бобине нужна для того, чтобы киномеханик мог вздремнуть. Киномеханики делают много такого, чего не положено. Не в каждом проекторе есть сигнализация. Иногда просыпаешься в собственной темной постели, в ужасе, что заснул в будке и пропустил переключение. Зрители тебя проклянут. Их кинематографический сон будет потревожен, и менеджер позвонит в профсоюз.

Просыпаешься в Крисси-Филд[8 - Аэропорт Сан-Франциско.].

Куда я ни отправлюсь, везде – прелесть путешествий, крошечная жизнь. В отеле – крошечное мыло, крошечный шампунь, отдельные порции сливочного масла, крошечный ополаскиватель для рта и одноразовая зубная щетка. Уместись в обычное самолетное кресло. Ты гигант. У тебя слишком широкие плечи. Твои ноги, как у Алисы в Стране чудес, внезапно вытягиваются на много миль и касаются сидящего впереди пассажира. А вот и обед: крошечный конструктор, собери себе куриный кордон-блю, займись делом.

Пилот включил табло «пристегните ремни» и просит воздержаться от перемещений по салону.

Просыпаешься в Мейгс-Филд[9 - Аэропорт Чикаго (внутренние линии)].

Иногда Тайлер просыпается в темноте, трясаясь от ужаса, что забыл сменить бобину, или порвалась пленка, или пленка немного соскользнула в проекторе, и зубчатые барабаны компостируют звуковую дорожку.

Если зубчатые барабаны пройдутся по пленке, лампа будет светить сквозь звуковую дорожку, и вместо разговоров ты услышишь стрекот вертолетных лопастей: это луч проходит сквозь дыры.

Чего еще не следует делать киномеханикам: Тайлер вырезает из фильмов лучшие кадры. В самом первом откровенном фильме снялась обнаженной Энджи Дикинсон. К тому времени как копия фильма добралась из кинотеатров Западного побережья до кинотеатров Восточного, эта сцена исчезла. Один киномеханик вырезал кадр. Другой вырезал кадр. Все хотели обнаженную Энджи Дикинсон. Порно проникло в кинотеатры – и только посмотрите на киномехаников. Некоторые из этих парней собрали легендарные коллекции.

Просыпаешься в Боинг-Филд[10 - Международный аэропорт Сиэтла].

Просыпаешься в аэропорту Лос-Анджелеса.

Сегодня мы летим практически порожняком, так что не стесняйтесь поднять подлокотники и вытянуться. Вытягиваешься зигзагом, скрюченный в коленях и поясе, раскинув согнутые локти по трем или четырем сиденьям. Я перевозжу часы на два часа назад или на три вперед: тихоокеанское время, горное, центральное, восточное; час потерял – час приобрел.

Это твоя жизнь, и она с каждой минутой приближается к концу.

Просыпаешься в Кливленде.

Просыпаешься в СиТэке. Снова.

Ты киномеханик, усталый и злой, тебе скучно, и ты берешь один кадр из коллекции порнографии, собранной каким-то другим киномехаником, которую нашел в будке, и вставляешь этот кадр с агрессивным красным пенисом или раззявленной влажной вагиной крупным планом в очередной художественный фильм.

Это фильм про приключения животных: семья уехала и оставила собаку и кошку, а теперь они должны найти дорогу домой. На третьей бобине, сразу после того, как собака и кошка – а они общаются друг с другом человеческими голосами – поели из помойного бака, мелькает эрекция.

Так делает Тайлер.

Кинокадр показывают на экране одну шестидесятую секунды. Разделите секунду на шестьдесят равных частей. Столько длится эрекция. Четырехэтажная эрекция над опопкорненными зрителями, скользко-красная и ужасная, – и никто ничего не замечает.

Просыпаешься в Логане. Опять.

Это ужасный способ путешествовать. Я еду на встречи, которые не желает посещать мой босс. Делаю заметки. И возвращаюсь к вам.

Куда бы я ни ехал, моя миссия – применить формулу. Сохранить тайну.

Простая арифметика.

Сюжетная задачка.

Если новая машина, созданная моей компанией, покидает Чикаго, двигаясь на запад со скоростью шестьдесят миль в час, и задний дифференциал заклинивает, и машина попадает в аварию и сгорает вместе со всеми, кто находился внутри, отзовет ли компания всю серию?

Берете число выпущенных автомобилей (A) и умножаете на вероятность поломки (B), а получившееся число умножаете на среднюю стоимость мирового соглашения (C).

A на B на C равно X. Столько мы потратим, если не станем отзываться машины.

Если X больше стоимости отзыва, мы отзываем автомобили, и все остаются живы и здоровы.

Если X меньше стоимости отзыва – мы их не отзываем.

Куда бы я ни поехал, меня ждет выгоревший, смятый автомобильный кузов. Я знаю, где прячутся все скелеты, поэтому не боюсь увольнения.

Отель, ресторанный ужин. Куда бы ни поехал, я завожу знакомства с соседями, от Логана до Крисси-Филд, от Крисси-Филд до Уиллоу-Ран.

Я координатор кампании по отзыву, объясняю случайному другу, сидящему рядом со мной, но хочу сделать карьеру судомойки.

Просыпаешься в аэропорту О'Хара. Опять.

После этого Тайлер повсюду вставлял пенис, обычно крупным планом. Или пульсирующую кровью четырехэтажную вагину размером с Большой каньон, в которой слышно эхо. Золушка танцевала со своим Прекрасным принцем, а люди смотрели на это. Никто не жаловался. Зрители ели и пили, однако что-то неуловимо менялось. Им становилось дурно, или они начинали плакать, сами не зная почему. Застукать Тайлера могла разве что колибри.

Просыпаешься в аэропорту Джона Кеннеди.

Я таю и разбухаю в момент приземления, когда одно колесо шасси врезается в посадочную полосу, а самолет кренится набок и не может решить, выправиться ему или опрокинуться. В это мгновение ничто не имеет значения. Взгляни на звезды – и ты пропал. Ничто. Ни багаж. Ни дурной запах изо рта. За иллюминаторами темно, газотурбинные двигатели работают на реверсе. Под их рев кабина наклоняется под неправильным углом – и тебе уже никогда не придется заполнять очередное расходное заявление. Собрать чеки на покупки дороже двадцати пяти долларов. Стричься.

Удар, второе колесо касается полосы. Стаккато сотен пряжек расстегиваемых ремней безопасности, и одноразовый друг, рядом с которым ты едва не погиб, говорит: надеюсь, вы успеете на пересадку. Да, я тоже надеюсь.

Мгновение исчезает. Жизнь продолжается.

И каким-то чудом, по случайности, мы с Тайлером встретились.

Было время отпуска.

Просыпаешься в аэропорту Лос-Анджелеса.

Снова.

С Тайлером я познакомился на нудистском пляже. Был конец лета, и я спал. Тайлер был голый и потный, измазанный песком, мокрые свалывшиеся волосы падали ему на лицо. Тайлер давно болтался поблизости. Вытаскивал из прибора плавник и волок на пляж. Он уже установил на мокром песке полукруг из бревен, на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Там было четыре бревна, и, проснувшись, я смотрел, как Тайлер тащит пятое. Он выкопал ямку под одним концом бревна, поднял другой конец. Бревно скользнуло в ямку и встало немного криво.

Просыпаешься на пляже.

Мы были там единственными людьми.

Тайлер начертил палкой на песке прямую линию в нескольких футах от бревен и принялся выпрямлять бревно, утаптывая песок у основания. Я был единственным зрителем.

- Знаешь, сколько сейчас времени? - крикнул Тайлер.

Я всегда ношу часы.

- Знаешь, сколько сейчас времени?

Где, спросил я.

- Прямо здесь, - ответил Тайлер. - И прямо сейчас.

Было шесть минут пятого.

Вскоре Тайлер уселся, скрестив ноги, в тени стоявших бревен. Посидел несколько минут, потом встал, искупался, натянул футболку и пошел прочь. Я должен был спросить, чем занимался Тайлер, пока я спал. Если бы я проснулся в другом месте и в другое время, был бы я другим человеком? Я спросил, не художник ли Тайлер. Он пожал плечами и показал, что пять стоявших бревен были толще у основания. Кивнул на линию, которую провел в песке, и объяснил, как использовал ее, чтобы измерить тень каждого бревна.

Иногда, проснувшись, ты вынужден спросить, где находишься.

Тайлер создал тень гигантской руки. Сейчас большой палец был слишком коротким, а прочие - длинными, как у вампира, но он заявил, что ровно в четыре тридцать рука была совершенна. Гигантская теневая рука была совершенна в течение одной минуты - и одну совершенную минуту Тайлер сидел на ладони созданного им совершенства.

Просыпаешься - и понимаешь, что ты нигде.

Одной минуты достаточно, сказал Тайлер, ради этого приходится потрудиться, однако минута совершенства того стоит. Мгновение - вот чего обычно ждешь от совершенства.

Просыпаешься – и этого достаточно.

Его звали Тайлер Дердан, он был киномехаником из профсоюза, а также официантом в отеле. Тайлер Дердан оставил мне свой телефонный номер.

Так мы познакомились.

4

Сегодня вечером здесь собрались все обычные мозговые паразиты. У «Выше и дальше» всегда большая аудитория. Это Питер. Это Альдо. Это Марси.

Привет.

Знакомьтесь, это Марла Сингер, сегодня она с нами в первый раз.

Привет, Марла.

В «Выше и дальше» мы начинаем с Новостей. Эта группа вовсе не посвящена паразитическим мозговым паразитам. Здесь никогда не услышишь слова «паразит». Всем становится только лучше. Ах, этот новый препарат. Все только что благополучно перенесли кризис. Однако повсюду – болезненный прищур пятидневной головной боли. Женщина вытирает невольные слезы. У всех есть бейджи, и люди, с кем ты встречаешься каждый четверг на протяжении года, подходят к тебе, протянув руку и не отрывая взгляда от твоего бейджа.

Вряд ли мы знакомы.

Никто никогда не произносит слова «паразит». Только «агент».

Они не говорят про «исцеление». Лишь про «лечение».

В ходе Новостей кто-нибудь рассказывает, как агент распространился на его позвоночник, и внезапно он утратил контроль над левой рукой. Кто-то повествует, как агент иссушил выстилку его головного мозга, и теперь мозг отстает от черепа, что вызывает судороги.

Во время моего последнего визита женщина по имени Хлоя озвучила единственную хорошую новость, которая у нее имелась. Она уперлась в деревянные подлокотники своего кресла, поднялась и заявила, что больше не боится смерти.

Сегодня, после знакомства и Новостей, незнакомая девушка, на бейдже которой написано «Гленда», заявляет, что она сестра Хлои и что в два часа ночи прошлого вторника Хлоя наконец скончалась.

Что за сладость. Два года Хлоя рыдала в моих объятиях во время обнимашек – а теперь она мертва, лежит в земле, в урне, в мавзолее, в колумбарии. Это свидетельство того, что сегодня ты еще думаешь и передвигаешь ноги – а завтра становишься холодным удобрением, буфетом для червей. Таково удивительное чудо смерти, и каким бы оно было сладким, если бы не эта.

Марла.

О, Марла вновь смотрит на меня, вычленив из всех мозговых паразитов.

Лжец.

Притворщик.

Марла – притворщица. И ты тоже притворщик. Все вокруг, морщащиеся, и дергающиеся, и падающие на пол, кашляя, с потемневшей шириной, – все это одно большое представление.

Внезапно направленная медитация перестает работать. За каждой из семи дворцовых дверей – зеленой дверью, оранжевой – Марла. Синяя дверь – за ней стоит Марла. Лгунья. Когда медитация приводит нас в пещеру, мое тотемное животное – Марла. Курит сигарету, закатывает глаза. Обманщица. Черные волосы, пухлые французские губы. Притворщица. Губы темные, как итальянский

кожаный диван. Тебе не скрыться.

Хлоя была настоящей. Напоминала скелет Джони Митчелл, который заставили улыбаться во время вечеринки, любезничая со всеми присутствующими. Представьте знаменитый скелет Хлои, размером с насекомое, бегущий по склепам и галереям ее внутренностей в два часа ночи. Пульс – сирена над головой, объявляет: приготовиться к смерти через десять, девять, восемь секунд. Смерть наступит через семь, шесть...

Ночью Хлоя бежала сквозь лабиринт собственных слипающихся вен и взрывала сосуды, разбрызгивавшие горячую лимфу. Нервы – как растяжки в тканях. Абсцессы набухали вокруг жаркими белыми жемчужинами.

Объявление: приготовьтесь очистить кишечник через десять, девять, восемь, семь...

Приготовьтесь катапультировать душу через десять, девять, восемь...

Хлоя шлепает по лодыжку в почечной жидкости из своих отказавших почек.

Смерть наступит через пять.

Пять, четыре.

Четыре.

Паразитическая жизнь малюет граффити на сердце.

Четыре, три.

Три, два.

Хлоя проворно карабкается по свернувшейся выстилке собственного горла.

Смерть наступит через три, через две.

Лунный свет проникает в открытый рот.

Приготовьтесь к последнему вдоху.

Испражниться.

Сейчас.

Душе покинуть тело.

Сейчас.

Смерть наступит.

Сейчас.

О, как это должно быть сладко – вспоминать теплое смятение Хлои в моих объятиях, когда она лежит где-то мертвая.

Но нет, за мной наблюдает Марла.

Во время направленной медитации я раскидываю руки, чтобы принять своего внутреннего ребенка, и этот ребенок – Марла с сигаретой. Никакого белого шара целительного света. Никаких чакр. Представьте, что ваши чакры раскрываются, как цветы, и в середине каждой – замедленный взрыв сладкого света.

Лгунья.

Мои чакры закрыты.

Когда медитация завершается, присутствующие потягиваются, крутят головой и помогают друг другу подняться. Готовятся к терапевтическому физическому контакту. Ради обнимашек я приближаюсь к Марле. Она смотрит мне в лицо, а я гляжу на остальных в ожидании сигнала.

А вот и он: давайте все обнимем того, кто рядом.

Мои руки смыкаются вокруг Марлы.

Выберите кого-то особенного, сегодня.

Руки Марлы прижаты к поясу.

Расскажите ему, что вы чувствуете.

У Марлы нет рака яичек. Нет туберкулеза. Она не умирает. Ладно, по мнению всяких умников, мы все умираем, но Марла умирает не так, как Хлоя.

А вот и сигнал: поделитесь друг с другом.

Ну что, Марла, как тебе яйца?

Раскройтесь полностью.

Вот что, Марла: выметайся. Выметайся. Выметайся.

Давай, поплачь, если хочешь.

Марла смотрит на меня. У нее карие глаза. Мочки ушей сморщились вокруг дырочек, в которых нет серег. Обветренные губы подернулись мертвой кожей.

Давай, поплачь!

– Ты тоже не умираешь, – произносит Марла.

Вокруг нас пары стоят и всхлипывают, прислонившись друг к другу.

– Если выдашь меня, я выдам тебя, – говорит она.

Тогда поделим группы, предлагаю я. Марла может забрать костные болезни, мозговых паразитов и туберкулез. Я оставлю себе рак яичек, паразитов крови и органический мозговой синдром.

- А что насчет рака восходящей ободочной кишки? - спрашивает Марла.

Девочка выполнила домашнее задание.

Ободочную кишку разделим. Она получит первое и третье воскресенье каждого месяца.

- Нет, - возражает Марла.

Она хочет все. Рак, паразитов. Глаза Марлы сужаются. Она и не мечтала, что ей будет так хорошо. Марла чувствует себя живой. Состояние ее кожи улучшилось. За всю жизнь она ни разу не видела покойника. Жизнь не имела смысла, потому что ее не с чем было сопоставить. А теперь у нее есть умирание, и смерть, и утрата, и скорбь. Рыдания и содрогания, ужас и сожаление. Теперь, зная, что ждет всех нас, Марла наслаждается каждым мгновением жизни.

Нет, она не уступит ни одной группы.

- Не собираюсь возвращаться к прежним ощущениям, - заявляет Марла. - Я работала в похоронном бюро, чтобы чувствовать себя хорошо, радоваться тому, что дышу. Какая разница, все равно по специальности я работу не нашла.

Тогда возвращайся в свое похоронное бюро, говорю я.

- Похороны - ничто по сравнению с этим, - объясняет Марла. - Похороны - абстрактная церемония. А здесь - реальный опыт смерти.

Пары вокруг нас утирают слезы, хлюпают носами, хлопают друг друга по спине и расслабляются.

Мы не можем ходить оба, говорю я.

- Тогда не ходи.

Мне это нужно.

- Тогда посещай похороны.

Все разомкнули объятия и берутся за руки для заключительной молитвы. Я выпускаю Марлу.

- Сколько ты сюда ходишь?

Заключительная молитва. Два года. Человек в молитвенном кружке берет меня за руку. Другой за руку Марлу. Обычно к началу молитвы я едва перевожу дух. Благослови нас. Благослови нас в нашем гневе и страхе.

- Два года? - шепчет она, наклонив голову.

Благослови и поддержи нас. Любой, кто мог обратить на меня внимание, за эти два года либо умер, либо выздоровел - и навсегда покинул группу. Помоги нам, помоги.

- Ладно, - кивает Марла, - можешь забирать рак яичек.

Большой Боб, Сырная Лепешка, обливающий меня слезами. Спасибо. Приведи нас к нашей судьбе. Приведи нас к покою.

- Не стоит благодарности.

Так я встретил Марлу.

5

Охранник-оперативник все объяснил мне.

Носильщики могут не обратить внимания на тикающий чемодан. Этот охранник называл носильщиков кидалами. Современные бомбы не тикают. Однако, если чемодан вибрирует, носильщики - кидалы - должны вызвать полицию.

Я начал жить с Тайлером, потому что большинство авиакомпаний ввели это правило насчет вибрирующего багажа.

На обратный рейс из Даллеса я положил все в сумку. Когда много путешествуешь, быстро учишься паковать одно и то же в каждую поездку. Шесть белых рубашек. Двое черных брюк. Необходимый для выживания минимум.

Компактный будильник.

Беспроводная электробритва.

Зубная щетка.

Шесть трусов.

Шесть пар черных носков.

Если верить охраннику-оперативнику, при вылете из Даллеса мой багаж вибрировал, и полиция сняла его с рейса. В той сумке было все. Средства для контактных линз. Красный галстук с синими полосками. Синий галстук с красными полосками. Это должностные полоски, не клубные. И один чисто красный галстук.

Список всех этих вещей раньше висел на двери моей спальни, у меня дома.

Дом представлял собой кондоминиум на пятнадцатом этаже небоскреба, нечто вроде картотеки для вдов и молодых специалистов. Рекламная брошюра обещала фут бетонного пола, потолка и стены между мной и соседней стереосистемой или телевизором. Фут бетона и кондиционер, окна открывать нельзя, поэтому даже с кленовым настилом и регуляторами освещенности все семнадцать сотен воздухонепроницаемых квадратных футов пахли твоей последней готовкой или последним посещением сортира.

И не забудьте разделочные столешницы и низковольтные светильники.

Однако фут бетона – это важно, когда у соседки садятся батарейки в слуховом аппарате, и ей приходится смотреть телеигру со звуком на полную мощь. Или вулканический взрыв горящего газа и мусора, бывших гостиной и личными вещами, выбивает панорамные окна и вырывается пылающим факелом наружу, превращая вашу – и только вашу – квартиру в выпотрошенную, обугленную бетонную дыру в скальной стене здания.

Такое случается.

Все, включая ваш комплект зеленых стеклянных тарелок ручной работы, с крошечными пузырьками, неровностями и песчинками, доказывающими, что их изготовили честные, простые, трудолюбивые аборигены какой-то местности, разлетается вдребезги. Представьте, как длинные шторы выпархивают наружу и сгорают дотла на жарком ветру.

В пятнадцати этажах над городом все это горит, бьется и осыпается на проезжающие мимо машины.

Пока я, погрузившись в сон, лечу на запад на 0.83 Махах, или 455 милях в час, истинной воздушной скорости, ФБР обезвреживает мой багаж на освобожденной полосе в Даллесе. В девяти случаях из десяти, объясняет охранник-оперативник, вибрация вызвана электробритвой. Это была моя беспроводная электробритва. В десятом случае – вибратор.

Это мне рассказал охранник-оперативник. В пункте назначения, откуда я без багажа отправился домой на такси – и обнаружил на земле обрывки своих фланелевых простыней.

Представьте, говорит охранник, каково это – сообщать пассажирке по прибытии, что из-за вибратора ее багаж остался на Восточном побережье. А иногда и пассажиру. Политика авиакомпании не позволяет строить предположения о владельце вибратора. Избегайте определенности.

Некий вибратор.

А не ваш.

Никогда не говорите, что вибратор случайно включился.

Вибратор активировался и создал аварийную ситуацию, для решения которой потребовалось снять с рейса ваш багаж.

Когда я проснулся для пересадки в Стейплтоне, шел дождь.

Когда я проснулся в своем аэропорту, шел дождь.

По громкой связи нам предложили осмотреть сиденья на предмет забытых личных вещей. Затем по громкой связи назвали мое имя. Не могу ли я встретиться с представителем авиакомпании, который ждет меня у выхода?

Я перевел часы на три часа назад – и все равно было уже за полночь.

У выхода меня ждал представитель авиакомпании вместе с охранником-оперативником, чтобы сообщить: ха, из-за вашей электробритвы ваш багаж остался в Даллесе. Охранник назвал носильщиков кидалами. Потом обозвал мошенниками. Желая продемонстрировать, что могло быть хуже, он сказал: но это хотя бы не вибратор. А потом, может, потому, что мы оба были парнями и был уже час ночи, а может, чтобы развеселить меня, охранник поведал: на рабочем сленге стюардесс называют воздушными официантками. Или воздушными шлюсками. Охранник был одет как пилот: белая рубашка с маленькими эполетами и синий галстук. Мой багаж досмотрели и доставят на следующий день, сообщил он.

Охранник уточнил мое имя, адрес и номер телефона, а потом спросил, в чем разница между презервативом и кабиной.

– В презерватив влезает только один член, – объяснил он.

Последние десять баксов я потратил на такси до дома.

Местная полиция тоже задавала много вопросов.

Мою электробритву, которая не являлась бомбой, по-прежнему отделяло от меня три часовых пояса.

Нечто, что было бомбой – большой бомбой, – взорвало мои изящные кофейные столики «Ньоронда» в форме лаймово-зеленой инь и оранжевого ян, которые вместе образовывали круг. Теперь они превратились в щепки.

Мой мягкий уголок «Хапаранда» с оранжевыми чехлами (дизайн Эрики Пеккари) стал грудой мусора.

Не я один пал жертвой гнездового инстинкта. Я знаю людей, которые раньше сидели в сортире с порнушкой, а теперь – с каталогом «ИКЕА».

У всех нас одинаковые кресла «Йоханнесхов» с обивкой «Стринне» в зеленую полоску. Мое пролетело пятнадцать этажей, пылая, и приземлилось в фонтан.

У всех нас одинаковые абажуры «Рислампа-Хар», сделанные из проволоки и экологически чистой небеленой бумаги. Мои пошли на конфетти.

Все это время, что я провел в сортире.

Столовые приборы «Алле». Нержавеющая сталь. Можно мыть в посудомоечной машине.

Настенные часы «Вильд» из оцинкованной стали. Без них я бы не выжил.

Стеллажи «Клипск».

Шляпные картонки «Хемлиг».

Всем этим была засыпана улица рядом с моим небоскребом.

Комплект пододеяльников «Моммала». Дизайн Томаса Харила, доступны в следующих расцветках: орхидея, фуксия, кобальт, черное дерево, гагат, яичная скорлупа или вереск.

Я покупал эти вещи всю жизнь.

Легкий в уходе текстурированный лак на журнальных столиках «Каликс».

Мои вложенные столы «Стег».

Вы покупаете мебель. Говорите себе: это последний диван, какой мне понадобится в жизни, и несколько лет испытываете удовлетворение оттого, что при любом раскладе вопрос с диваном решен. Затем приобретаете набор тарелок. Вскоре – великолепную кровать. Шторы. Коврик. А потом становитесь пленником своего уютного гнездышка, и вещи, которыми раньше владели вы, теперь владеют вами.

Так было, пока я не вернулся домой из аэропорта.

Привратник возник из тени и сообщил: произошел несчастный случай. Приезжала полиция, задавала много вопросов.

Полиция считает, может, это был газ. Запал на плите потух, или конфорка была открыта, газ сочился из нее и поднимался к потолку, пока не заполнил квартиру. Площадь квартиры с высокими потолками составляла семнадцать сотен квадратных футов, и на протяжении многих дней газ сочился и сочился, пока не заполнил все комнаты от пола до потолка. В компрессоре в основании холодильника проскочила искра. Детонация. Панорамные окна в алюминиевых рамах вылетели, диваны, лампы, тарелки и постельное белье полыхнули, а вместе с ними школьные ежегодники, дипломы и телефон. Все это солнечной вспышкой вырвалось наружу с пятнадцатого этажа.

Нет, только не мой холодильник. Я заставил полки разными горчицами – молотыми и в стиле английского паба. Там было четырнадцать сортов обезжиренной салатной заправки и семнадцать видов каперсов.

Знаю, знаю, куча приправ и никакой нормальной еды.

Привратник высморкался, и что-то смачно шлепнулось в его носовой платок, словно мяч в перчатку кэтчера.

Вы можете подняться на пятнадцатый этаж, сказал он, но в квартиру заходить нельзя. Полиция запретила. Она интересовалась, не имелось ли у меня бывшей подружки, которая могла учинить такое, или не нажил ли я себе врагов, имевших доступ к динамиту.

– Нет смысла подниматься, – добавил привратник. – Осталась лишь бетонная коробка.

Полиция не исключала поджог. Никто не ощутил запаха газа. Привратник вскинул бровь. Парень коротал время, заигрывая с горничными и нянями из больших квартир на верхнем этаже, сидевшими в холле в ожидании транспорта после работы. Я прожил здесь три года – а привратник по-прежнему каждый вечер читал свой журнал «Эллери Куин», пока я жонглировал сумками и свертками, чтобы открыть парадную дверь и войти.

Привратник сказал что-то насчет людей, которые уезжают надолго и оставляют горящую свечу, длинную-предлинную, в луже бензина. Обычно так поступают люди с финансовыми проблемами. Желающие с ними разобраться.

Я попросил разрешения воспользоваться телефоном в холле.

– Многие молодые люди стараются произвести впечатление и покупают слишком много вещей, – заметил привратник.

Я набрал номер Тайлера.

На Пейпер-стрит, в доме, который снимал Тайлер, зазвонил телефон.

О Тайлер, прошу, избавь меня.

Телефон звонил.

Привратник навалился на мое плечо и сказал:

– Многие молодые люди понятия не имеют, чего хотят на самом деле.

О Тайлер, прошу, спаси меня.

Телефон звонил.

– Эти молодые люди думают, будто хотят весь мир.

Избавь меня от шведской мебели.

Избавь от высокоинтеллектуального искусства.

Телефон зазвонил снова, и Тайлер ответил.

– Если не знаешь, чего хочешь, получишь много того, чего не желаешь, – заявил привратник.

Пусть я никогда не буду полноценным.

Никогда не буду удовлетворенным.

Никогда не буду совершенным.

Избавь меня, Тайлер, от совершенства и полноценности.

Мы с Тайлером договорились встретиться в баре.

Привратник спросил, по какому телефону со мной сможет связаться полиция. На улице по-прежнему шел дождь. Моя «ауди» стояла на парковке, и из ее лобового стекла торчал галогеновый торшер «Дакапо».

Мы с Тайлером встретились и выпили много пива, и Тайлер сказал: да, я могу пожить у него, но мне придется сделать ему одолжение.

На следующий день прибудет мой багаж с необходимым минимумом: шесть рубашек, шесть трусов.

Пьяный, в баре, где никто не обращал на нас внимания и всем было безразлично, я спросил у Тайлера, чего он хочет.

– Хочу, чтобы ты ударил меня как можно сильнее, – ответил Тайлер.

На втором слайде моей презентации для «Майкрософт» я ощущаю вкус крови и сглатываю. Мой босс не знаком с материалом, но не может позволить мне выступить с подбитым глазом и лицом, наполовину раздувшимся от швов на внутренней стороне щеки. Швы разошлись, я чувствую их языком. Представьте спутанную рыболовную леску на берегу. Я представляю черные стежки на кастрированной собаке и продолжаю глотать кровь. Босс готовит презентацию по моему сценарию, а я управляю проектором, чтобы держаться у стены, в темноте.

Я пытаюсь слизать кровь, и мои губы становятся липкими. Когда включится свет, я повернусь к консультантам Эллен, Уолтеру, Норберту и Линде из «Майкрософта» и скажу: спасибо, что пришли. Мой рот будет блестеть от крови, она просочится в щели между зубами.

Можно проглотить пинту крови, потом станет дурно.

Завтра бойцовский клуб, и я его не пропущу.

Перед презентацией Уолтер из «Майкрософта» улыбается своей похожей на паровую лопату маркетинговой челюстью, загорелой, цвета запеченного картофеля. Уолтер обхватывает мою ладонь своей гладкой, мягкой рукой с кольцом-печаткой на пальце и говорит:

– Не хотел бы я видеть, что стало с другим парнем.

Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Я объясняю Уолтеру, что упал.

Сам виноват.

Перед презентацией, когда я сижу напротив босса и рассказываю ему, как соотнести слайды с докладом и где будет видео, босс спрашивает:

– Чем ты занимаешься в выходные дни?

Просто не хочу умереть без единого шрама, отвечаю я. Красивым телом больше никого не удивишь. Глядя на девственные машины 1955 года, словно прямиком из салона, я всегда думаю: жизнь впустую.

Второе правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Может, за ленчем к твоему столику подойдет официант с двумя подбитыми глазами большой панды. На прошлой неделе ты видел его в бойцовском клубе, с головой, зажатой между бетонным полом и коленом двухсотфунтового складского рабочего, что колотил кулаком по переносице снова и снова, с глухим, резким звуком, слышным даже за ревом толпы, пока официант не отдышался и не выплюнул кровью: хватит.

Ты молчишь, потому что бойцовский клуб существует только от открытия до закрытия.

Вот паренек из копировального центра. Месяц назад ты видел его. Он не может запомнить, что нужно пробить в заказе три дырки или поместить цветные прокладочные листы между стопками копий, однако десять минут этот паренек был богом, когда вышибал дух из сотрудника по связям с клиентами, а потом уселся сверху и колотил его, пока не пришлось остановиться. Это третье правило бойцовского клуба: когда кто-то просит остановиться или теряет сознание – хотя бы делает вид, – бой заканчивается. Видя этого паренька, ты не можешь сказать ему, каким классным был тот бой.

В каждом бою – только два человека. По одному бою за раз. Дерутся без рубашек и тужель. Бой продолжается столько, сколько нужно. Вот остальные правила бойцовского клуба.

Парни в бойцовском клубе и в реальном мире – разные люди. Даже если ты похвалишь паренька из копировального центра, что он хорошо дрался, это будет другой человек.

Мой босс не знает, что я за человек в бойцовском клубе.

После ночи в бойцовском клубе все в реальном мире приглушается. Ничто не может вывести тебя из равновесия. Твое слово – закон, и если люди нарушают его или допрашивают тебя, даже это не может поколебать твоего спокойствия.

В реальном мире я – координатор кампании по отзыву, в рубашке и при галстукe, сижу в темноте со ртом, полным крови, и меняю слайды, пока босс рассказывает «Майкрософту», почему выбрал для иконки именно этот бледно-васильковый оттенок.

На первом собрании бойцовского клуба нас было всего двое: мы с Тайлером колотили друг друга.

Раньше мне хватало того, что, придя домой злым, понимая, что жизнь не укладывается в мой пятилетний план, я мог убрать квартиру или вымыть машину. Когда-нибудь я умру без единого шрама, и после меня останутся милые квартирка и автомобиль. Очень, очень милые, пока не осядет пыль или не объявится новый владелец. Нет ничего вечного. Даже «Мона Лиза» разваливается на кусочки. После бойцовского клуба у меня шатается половина зубов.

Может, выход не в саморазвитии.

Тайлер никогда не знал своего отца.

Может, выход в саморазрушении.

Мы с Тайлером по-прежнему вместе ходим в бойцовский клуб. Теперь он собирается в подвале бара, в субботу ночью, после закрытия, и каждую неделю там все больше парней.

Тайлер встает под единственной лампочкой в середине черного бетонного подвала, и ее свет мерцает в темноте, отражаясь в сотнях пар глаз. Тайлер кричит:

– Первое правило бойцовского клуба! Бойцовский клуб не обсуждают! Второе правило бойцовского клуба! Бойцовский клуб не обсуждают!

Лично я знал своего папашу на протяжении лет шести, но ничего не помню. Каждые шесть лет мой папочка заводит новую семью в новом городе, словно это его работа.

В бойцовский клуб ходит поколение мужчин, воспитанных женщинами.

Тайлер стоит под одинокой лампочкой в послеполуночной тьме подвала и перечисляет другие правила: два человека на бой, один бой за раз, никаких туфель и рубашек, бой продолжается столько, сколько нужно.

- А седьмое правило заключается в том, - добавляет Тайлер, - что если ты впервые в клубе, то должен драться!

Бойцовский клуб - это не футбол по телевизору. Ты не смотришь на кучку незнакомцев, которые за полмира от тебя колотят друг друга, по спутнику с двухминутной задержкой, рекламой пива раз в десять минут и перерывами на поиск станции. После того как побываешь в бойцовском клубе, наблюдать футбол по телевизору - все равно что глядеть порнушку, когда можешь отлично потрахаться.

Бойцовский клуб заставляет ходить в спортзал, коротко стричь волосы и ногти. В спортзале полно парней, они пытаются быть мужчинами, словно быть мужчиной означает выполнять капризы скульптора или художника-постановщика.

Как говорит Тайлер, у них даже сопля прокачанные.

Мой отец не учился в колледже, поэтому я должен был его окончить. Потом я позвонил ему по межгороду и поинтересовался: что дальше?

Папаша не знал.

Когда я устроился на работу и мне стукнуло двадцать пять лет, я по межгороду спросил: что дальше? Папочка тоже не знал, поэтому ответил: женись.

Теперь я тридцатилетний старикан и не уверен, что женщина - ответ на мои вопросы.

То, что происходит в бойцовском клубе, не имеет отношения к словам. Кому-то нужно драться каждую неделю. На этой неделе Тайлер заявляет: пускаем первых пятьдесят – и все. Достаточно.

На прошлой неделе я выбрал парня, и мы с ним записались на бой. Наверное, у него выдалась скверная неделя, потому что он ухватил мою голову двойным нельсоном и колотил меня лицом по бетону, пока я зубами не прокусил себе щеку изнутри, а глаз не заплыл и не начал кровоточить. Я сказал: хватит – и смог полюбоваться кровавым отпечатком половины собственного лица на полу.

Тайлер встает рядом со мной, мы оба глядим на большую «О» моего рта посреди кровавой лужи и маленькую прорезь глаза, уставившуюся на нас с пола.

– Круто! – восклицает Тайлер.

Я пожимаю парню руку и говорю: хороший бой.

– Как насчет следующей недели? – спрашивает он.

Пытаюсь улыбнуться распухшими губами и отвечаю: взгляни на меня. Как насчет следующего месяца?

Нигде не чувствуешь себя таким живым, как в бойцовском клубе. Когда ты один на один с другим парнем, под единственной лампочкой, в окружении внимательной толпы. Суть бойцовского клуба – не в том, чтобы выиграть или проиграть. Ее нельзя выразить словами. Ты наблюдаешь, как парень приходит в клуб в первый раз, и его задница напоминает буханку белого хлеба. Видишь этого же парня через шесть месяцев – он словно вырезан из дерева. Он верит, что справится с чем угодно. В бойцовском клубе пыhtят и фыркают, как в спортзале, но суть не в том, чтобы хорошо выглядеть. Там истерически кричат на непонятных языках, словно в церкви, и, проснувшись воскресным днем, ты чувствуешь себя спасенным.

После моего последнего боя парень, с которым я дрался, вымыл пол, пока я звонил в страховую компанию, чтобы сообщить о намечающемся визите в травмопункт. В больнице Тайлер объясняет, что я упал.

Иногда Тайлер говорит за меня.

Я сам сделал это с собой.

Бойцовский клуб не обсуждают, потому что он существует всего пять часов, с двух ночи до семи утра воскресенья.

Когда мы с Тайлером создали бойцовский клуб, ни один из нас прежде не дрался. Если ты никогда не дрался, тебе интересно. Покалечат ли тебя? Что ты способен сотворить с другим человеком? Я был первым, кого Тайлер решился спросить об этом. Мы оба достаточно выпили в баре, где всем было безразлично, и Тайлер сказал:

– Хочу, чтобы ты сделал мне одолжение. Ударил меня как можно сильнее.

Я отказался, но Тайлер все мне объяснил. Рассказал, что не желает умирать без шрамов, устал смотреть профессиональные бои и хочет узнать больше про самого себя.

Про саморазрушение.

В то время моя жизнь казалась чересчур полноценной, и, может, нужно разбить себя вдребезги, чтобы стать чем-то лучшим.

Я огляделся и кивнул: ладно. Но снаружи, на парковке.

Мы вышли на улицу, и я спросил, куда Тайлер хочет получить – в лицо или в живот.

– Удиви меня, – предложил Тайлер.

Я сказал, что прежде никого не бил.

– Так дай себе волю, – посоветовал он.

Закрой глаза, попросил я.

- Нет, - возразил Тайлер.

Как любой парень в свою первую ночь в бойцовском клубе, я сделал глубокий вдох и ударил Тайлера кулаком наотмашь, целясь в челюсть, словно в фильме про ковбоев. Мой кулак врезался ему в шею.

Черт, сказал я, это не считается. Хочу попробовать еще раз.

- Нет, считается!

Тайлер врезал мне, точно боксерской перчаткой на пружинке, как в утренних субботних мультиках. Попал прямо в середину грудной клетки, и я опрокинулся на машину. Мы стояли - Тайлер потирал сбоку шею, я прижимал руку к груди, - и оба понимали, что оказались там, где никогда прежде не были. Подобно кошке и мышке в мультиках, мы оба остались живы и хотели узнать, как далеко сможем зайти и не умереть.

- Круто, - произнес Тайлер.

Ударь меня еще раз, сказал я.

- Нет, ты меня!

Я ударил его, девчачьим широким замахом, прямо под ухо, а Тайлер оттолкнул меня и врезал каблуком мне в живот. То, что случилось дальше, нельзя выразить словами. Бар закрылся, а посетители вышли на парковку, окружили нас и начали вопить.

Я наконец почувствовал, что могу починить все, что не работает в этом мире; справиться с рубашками, которые вернулись из прачечной без пуговиц на воротничке; с банком, заявляющим, будто я задолжал сотни долларов. Моей работой, где босс влез в мой компьютер и напортачил с командами ДОС. И Марлой Сингер, которая украла у меня группы поддержки.

Когда бой заканчивался, проблемы оставались, но больше не имели значения.

Первый наш бой состоялся воскресной ночью. Тайлер все выходные не брился, и я оцарапал костяшки о его щетину. Мы лежали на спине на парковке, глядя на единственную звезду, которая пробилась сквозь уличные огни, и я спросил Тайлера, с чем он дерется.

С отцом, ответил Тайлер.

Может, нам не нужен отец, чтобы стать полноценными. В драках в бойцовском клубе нет ничего личного. Ты дерешься, чтобы драться. Бойцовский клуб не обсуждают – но мы обсуждали, и позднее парни собирались на парковке после закрытия бара, а когда похолодало, другой бар предложил нам подвал, где мы теперь собираемся.

Когда клуб собирается, Тайлер излагает правила, которые мы с ним придумали.

– Большинство из вас, – кричит он в световом конусе, в центре забитого мужчинами подвала, – пришли сюда, потому что кто-то нарушил правила! Кто-то рассказал вам про бойцовский клуб! Перестаньте болтать языком, – добавляет Тайлер, – иначе вам придется основать новый бойцовский клуб. На следующей неделе вы будете записываться, и только первые пятьдесят попадут внутрь. Если попали внутрь, сразу договаривайтесь насчет боя. Если не желаете драться, другие хотят, так что лучше вам сидеть дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Аэропорт в Чикаго.

2

Аэропорт в Нью-Йорке.

3

Аэропорт в Бостоне.

4

Вашингтонский аэропорт им. Джона Даллеса.

5

Аэропорт в штате Техас.

6

Сокращенное название аэропорта Сиэтл/Такома в штате Вашингтон.

7

Аэропорт в штате Мичиган.

8

Аэропорт Сан-Франциско.

9

Аэропорт Чикаго (внутренние линии).

10

Международный аэропорт Сиэтла.

Купить: <https://telnovel.com/chak-palanik/boycovskiy-klub-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)